

Юлия Крашениникова

Похороны «по-репному» (О некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских)

Основой настоящей заметки стали материалы по похоронно-поминальной обрядности, записанные от русских, проживающих в селе Лойма и населенных пунктах Лоемского сельского совета (деревни Матвеевская, Тарасовская, Козловская, Уркинская, Тарбиевская, Вотинская, Ула, Галактионовская) Прилузского района Республики Коми — района с преобладающим коми населением. Первое датированное упоминание о Лойме и окружающих ее деревнях относится к 1620 г.: в дозорной книге Сольвычегодского уезда описаны поселения, находившиеся на территории так называемой Лузской Пермцы, в состав которой входил и Лоемский осадный городок [Жеребцов 2004: 88]. За время своего существования Лойма была частью многих административно-территориальных единиц — Устюжской земли, Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии [Жеребцов 1994: 139]. К Республике Коми (ранее: Автономная область Коми) была присоединена в 1921 г. Демографический и этнический состав Лоймы сформировался за счет миграцион-

**Юлия Андреевна
Крашениникова**
Институт языка, литературы
и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН,
Сыктывкар
krasheninnikova@rambler.ru

ных потоков русских из центральных, северо-восточных и северных губерний [Власов, Филиппова 2000: 87–88].

Во время экспедиционных обследований лоемского куста деревень в 2004, 2006 гг. мы зафиксировали несколько любопытных свидетельств, касающихся умерших неестественной смертью, которые «выбивались» из общего потока информации последних лет, связанной с этой темой¹. Материалы записывались от информантов 1909, 1913, 1918, 1922, 1923 гг. рождения. Жительница д. Козловская 1909 г.р. упоминает, что наблюдала исполнение описанных ниже ритуалов в возрасте семи-десяти лет, а ее старшая сестра принимала в них участие [ИЯЛИ: ВФ 1530–3, 2004 г., З.П. Помысова]. Следовательно, эти обряды сохранялись в живом бытовании вплоть до 20-х гг. XX в. Наши предположения подтверждаются и словами жительницы 1928 г.р., которая ничего «о таком чуде», как похороны «по-репному», не слышала [АА, 2006 г., Л.С. Чужмарова]. Несколько репрезентативных фрагментов интервью приведем полностью², остальные будут использоваться по мере необходимости.

1. Было время, у меня дедушко, мамин отец, его убили в лесу этой, сосной. Дак он целую зиму висился на козлах под окошком. Ходили вся волость по два человека караулили, не давали похоронную. [Почему?] Да вот не знаю. Он у дома в гробу висился. Козлы сделали, его привезли убитого. Сосну повалили, его сосной другой человек повалил, убил сосной вершиной. Его привезли домой, и он все до весны до самой в гробу на козлах под окошком висился. Ну, такие козлы вот так крест-накрест поставлены два кола, потом на том конце и на другом, как на качелях. Потом эдак положен жердь, и этот гроб висится на веревках подвязанный. [Он всю зиму так висел?] Да. [А почему не хоронили?] Не давали похоронную. [Священник не разрешал похоронить?] Нет, власти такие были. Целую зиму провисился. Так ведь главное, всю волость по два человека приезжали по суткам дежурили [Около гроба?] В дому тут ока, дома. Это раньше было. Кого направят из деревни, кого пошлют. Кто родственники были, дак свои приедут [ИЯЛИ: АФ 1543–14, 2004 г., А.Г. Екимова].

¹ Надо сказать, что наши материалы об умерших неестественной смертью, записываемые в конце XX — нач. XXI в. на Русском Севере, скудны. Если говорить о Прилузском районе Республики Коми, то фиксируются весьма лаконичные, самые общие сведения, например: умерших неестественной смертью не отпевали в церкви [ИЯЛИ: АФ 1550–45], хоронили рядом с кладбищем или за оградой, поминали в Семик [АА, 2008 г.], мертворожденных или преждевременно рожденных детей хоронили в голбце [ИЯЛИ: АФ 1549–19] и др.

² Материалы расшифрованы нами, в квадратных скобках содержатся вопросы, ремарки, комментарии собирателя, паспорт записи включает сведения о месте хранения, год и шифр записи, Ф.И.О информанта; подробные сведения об информантах см. ниже.

2. У нас из деревни старика... Чужие два мужика торговали этими всякими. Пришли к нам в деревню и выспросили, у кого хорошие кони: “Нам лошадь надо, ямщик хоть кто, лошадь надо хорошу”. У нас Воронко был у тяти-то, тятя был на войне на Гражданской, мы с мамой жили. Они пришли к нам, просят: “Старушка, давай нас увези до Вымской [деревня на границе с Кировской областью, находится в 30 км от деревни исполнительницы. — Ю.К.], нам лишь бы лошадь хорошая была, а ямщик нам хоть кто”. Их натакали на одного старика, у него лошадь Серко был. Они подрядили его, он повез, повез, повез и сейчас возит. Они его в волоку-то убили, устукали и лошадь-то увели, угнали. А самого-то потом кто-то там ехали, его увидели, в лог был спихнен. Руку-то выдуло что ли ветром, люди-то ехали да и заметили. А его искали шибко, до Вымской-то ездили. Потом его привезли в деревню домой. Вот этого Мишеньку-то убили, дак толды привезли да еще и не хоронили так-то ведь. Первой схоронили “по-репному”: ямку дома [около дома. — Ю.К.] выкопали и тут только караулили еще недели две по очереди, ходили, кого назначат, ночь караулить. Это хоронить “по-репному” называлось: как репу схоронят в ямку, а не заваливают, не заваливают. Потом его откараулят 12 дён, и его вымают и толды на кладбище везут. Дак вот еще караулили его в деревне-то. Схоронят, как репу в яме, не закрывают просто, так и караулят его вот эти соседи, кто по очереди все. [Почему сразу не похоронили?] Потому что он убит. Как что понеть надо, как он в волоку-то, все это поразбираются, потом и отпевают. Срок был, 10 ли, 12 дён, срок выдержат, а потом уж хоронят. [Ямку дома делали или в подполье?] Удома, невысоко, его прямо и видно еще. Удому у своего поставят и караулят, все равно какой-то человек эти дни караулит. Откараулят, тогда его хороняют на место [ИЯЛИ: АФ 1546—93, 94; 2004 г., 3.П. Помысова].

3. По-репному хоронили дома. <...> Вот у нас утонул человек, и его дома в саднике схоронили. В саднике — около дому, где дрова заготавливали на зиму. И сколько надо было, пока его не отпели, не отслужили, он там все стоял. Потом перехоронили. Его обмывают, одевают, в гроб кладут и хоронили по-репному. Он неотпелый лежал. Видимо, надо было дежурить. Приходили соседи, посторонние. Его после в избу не носили, увозили на кладбище [ИЯЛИ: АФ 1552—17, 2004 г., А.В. Безноскова].

4. Тут у нас еще до меня прям тятиного дома жил тоже, в лесу опеть одного убили. Также караулили. Так того опять не в земле, а как на кострах, на кострах опеть гроб-от стоял тоже десять дней. Также ходили, караулили. Так это уж дав-

но-давно, мне уж, наверно, годов семь-от было тогда. Такой вот колышки невысоко сделают и гроб поставят. Откараулят вот эти десять дней, толды везут уж отпевать. Это была какая-то старинная примета. Потом уж везли на общее кладбище. [Убитого потом домой не заносили, не мыли?] Нет, его набасят, и после на колышки-те поставят. Это не огонь, а просто так вот на костры-те, на колышки. Не на огне, а просто. Перво не хоронят, а вот тут откараулят, все суседи отходят его. Так условлено было, что обязательно надо его поддержать, не хоронить, наверху поддержать [ИЯЛИ: АФ 1546–95, 2004 г., З.П. Помысова].

Во всех цитированных фрагментах речь идет об умерших неестественной смертью, т.е. «заложных» покойниках¹. Выделим несколько общих моментов в наших материалах:

1. Указание на вид смерти: в большинстве случаев скоропостижная насильственная смерть наступает в результате убийства, совершенного другими людьми намеренно или по неосторожности, в двух случаях (мы привели только один текст из нашей подборки) речь идет об утонувших.

2. Уточнение, что погребение является временным («Первой схоронили “по-рѣпному”»: ямку дома выкопали и тут только караулили <...> не заваливают, не заваливают [землей]. Потом его откараулят 12 дѣн, и его вымáют и толды на кладбище везут» [ИЯЛИ: АФ 1546–94; выделено мной. — Ю.К.]; «откараулят вот эти десять дней, толды везут уж отпевать» [ИЯЛИ: АФ 1546–95]; «Его все сделают [обмоют, переоденут. — Ю.К.] да и поставят, чтобы его потом вынять да и хоронить везти. Он и застынет, его потом больше и не заносили [домой]. Несут хоронить» [ИЯЛИ: АФ 1547–1; выделено мной. — Ю.К.]; «Его сразу и не хоронили, караулили все подѣнно» [ИЯЛИ: ВФ 1530–3; выделено мной. — Ю.К.]).

3. Описание способа временного захоронения: на козлах («такие козлы вот так крѣст-накрѣст поставлены два кола, потом на том конце и на другом, как на качелях. Потом эдак положен жердь, и этот гроб висится на веревках подвязанный» [ИЯЛИ: АФ 1543–14; также АФ 1548–39]), «на кострах» («не в земле, а как на кострах <...> колышки невысоко сделают и гроб поставят» [ИЯЛИ: АФ 1546–95]; «на колышках как будто, на кострах на таких, на колышках. <...> Поперечинки положат, на по-

¹ О термине [Зеленин 1995: 39, 96; Седакова 2004: 39]. Рассматривать эти и другие свидетельства мы будем с учетом работы Д.К. Зеленина «Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки», в которой проанализированы представления, связанные с заложными покойниками, описаны способы их погребения и поминовения [Зеленин 1995].

перечинки гроб поставят на улице...» [ИЯЛИ: АФ 1547–1]), «по-репному» («ямку дома выкопали <...> как репу схоронят в ямку, а не заваливают, не заваливают. <...> Схоронят, как репу в яме, не закрывают просто» [ИЯЛИ: АФ 1546–94]; «на земле на улице, и караулили» [ИЯЛИ: АФ 1547–1]; «По-репному хоронили дома. <...> Вот у нас утонул человек, и его дома в саднике схоронили. В саднике — около дому, где дрова заготовляли на зиму» [ИЯЛИ: АФ 1552–17]; «как репу заруют, не зарывают ниче, неглубоко заруют <...> на улице, в избе-то он прокиснет <...> это как репу в ямку спускали» [ИЯЛИ: ВФ 1530–3]).

4. Уточнение места временного захоронения: в большинстве случаев около дома, в одном тексте зафиксировано, что козлы сооружали прямо на месте убийства («Говорили, что где-ка убит человек, каки-то козлы сделают, на козлы подымут его и караулят» [ИЯЛИ: АФ 1548–39]).

5. Обязательность бдения у временного захоронения и состав участников обряда: во всех случаях указано, что обязательно приходили «караулить», «охранять» умершего, участвовали (1) родственники, (2) жители только той деревни, из которой был умерший («из каждого дома по человеку приходило» [ИЯЛИ: АФ 1547–1]; «приходили соседи, посторонние» [ИЯЛИ: АФ 1552–17]), (3) жители всех деревень волости («всю волость по два человека приезжали, по суткам дежурили» [ИЯЛИ: АФ 1543–14]). Как правило, дежурило по два человека.

6. Период бдения у временного захоронения варьирует от десяти суток до нескольких месяцев (10, 12 дней, две недели, «сколько надо», «целую зиму, до весны до самой»); различия зафиксированы и в количестве часов бдения (только ночью, целые сутки).

7. Подготовка умершего к постоянному погребению: до временного захоронения его обмывали, одевали в новую одежду, клали в гроб, после временного захоронения гроб в дом не заносили, увозили на кладбище, отпевали, некоторые информанты указывают, что в гроб клали подорожную.

В нескольких интервью зафиксированы прагматические объяснения этих ритуалов: представителям власти необходимо было разобраться в причинах смерти («власти не давали хоронить», «урядник придет, все проверит, найдет, что убитого нашли, и прикажёт [хоронить]»), местные жители, обнаружившие труп утонувшего, ждали родственников [ИЯЛИ: ВФ 1523–23].

Возможно, погребение «по-репному» — это не что иное как «воспоминание» о старинном способе погребения заложных

покойников в убогих домах, о котором пишет Д.К. Зеленин со ссылкой на Е.Е. Голубинского, Н.И. Костомарова: заложных не отпевали, но и не закапывали в землю, а оставляли на ее поверхности (вплоть до Семика, т.е. иногда в продолжение целого года) [Зеленин 1995: 95], а похороны на столбах и козлах — реликты особого наземного погребения заложных, к которым Д.К. Зеленин относил похороны на помостах и подвешивание на дереве [Там же: 123]. Можно допустить, что похороны «по-репному» представляют собой своеобразную проверку способности земли «принять» заложного покойника, поскольку в этом захоронении гроб с покойным опускался в небольшую яму¹. Ряд предписаний — умершего нельзя трогать («чтоб никто не шевелил, ни собака, никто» [ИЯЛИ: АФ 1547–1]), заносить в дом, труп не должен соприкасаться с землей (во всех случаях тело находится в гробу) — отсылают к традиционным представлениям о том, что такой покойник «нечистый», «вредный и опасный» [Зеленин 1995: 40], а погребение его в земле влечет за собой неблагоприятные последствия².

Вместе с тем создается впечатление, что информанты к таким покойникам относятся так же, как к умершим «своей» смертью. Ни в цитированных, ни в других фрагментах отношение к ним как «недостойным уважения и обычного поминовения» [Зеленин 1995: 40] не фиксируется, отсутствуют сведения, что такие покойники могут нанести вред в зависимости от рода смерти³. Напротив, очевидно стремление коллектива выполнить ряд условий, что позволит похоронить этих умерших на общем кладбище как «нормальных» покойных. В связи с этим интерес вызывает другая часть описанных ритуалов: умерший в течение определенного времени должен быть «очищен» и подготовлен к постоянному погребению. Своеобразный обряд «очищения» проводится около места временного захоронения, в большинстве случаев около дома⁴, при обязательном участии членов всей деревенской общины (перечисляются не только те, кто знал умершего — соседи, родственники, но и посторонние) в течение определенного времени при круглосуточном или ночном бдении. В одном интервью отмечено,

¹ По народным представлениям, заложных покойников земля не принимает [Там же: 43].

² «Русский народ избегает захоронения заложных покойников в земле. Закапывание таких покойников в землю ведет за собою <...> неблагоприятные для произрастания хлебов климатические явления» [Там же: 92].

³ Ср. у Д.К. Зеленина: «в свидетельствах позднейшего времени [выделено мной. — Ю.К.] заметно стремление поставить приносимым способом погребения заложных вред в связи с родом смерти каждого данного покойника» [Там же: 114].

⁴ Единственная лаконичная запись в подборке, на наш взгляд, содержит свидетельство о более архаичных представлениях: бдение должно совершаться непосредственно на месте убийства [ИЯЛИ: АФ 1548–39].

что для этого из каждой деревни со всей волости приезжали жители, «кого направят, кого пошлют», т.е. в «дежурстве» около временного захоронения могли принимать участие не все.

К сожалению, информант ничего не сказал об условиях выбора участников ритуала (возрастной, половой, социальный статус и проч.). При этом даже к временному захоронению умерший «приходит» уже подготовленным: его обмывают, переодевают в новую одежду, кладут в гроб. По истечении необходимого срока его отпевают в церкви и хоронят на общем кладбище.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют заключить, что среди умерших насильственной смертью также существует иерархическое разделение: те, кто не могут быть очищены (к ним носители традиции относят самоубийц), и те, кто при соблюдении определенных условий могут перейти в разряд предков-родителей; к ним относятся принявшие смерть от руки другого человека по злему умыслу или случайно, утонувшие¹. Вряд ли в этом контексте следует говорить о существовании в традиции единого жесткого отношения к умершим неестественной смертью, по крайней мере на позднем этапе ее бытования.

Вызывает интерес народная терминология для номинации временных захоронений заложных покойников — «похороны на кострах», «похороны по-репному». Прямое толкование фразеологизма «хоронить по-репному» дала одна из местных жительниц, рассказывая о процессе уборки репы с полей и способе ее временного хранения до заморозков:

Хоронить по-репному? Это уж мелко, мелко. <...> Ну, по-репному-то — это мелко, это по-репному и называется. Это репу раньше насыют, и репу мелконько захоронят, чтобы с осени сразу ее домой принести. Выжгут там вот лес, выжгут, и репу насеют. <...> Неглубокую ямку, полметра, выроют и репу заруют. Потом ее как заморозки будут, снег пойдет, и ее увозят домой. Репу-то ведь не насыют тут близко, тащат подальше, кто где мог. Раньше везде поля, все засеяно было совхозом, колхозом [АА, 2006 г., Л.С. Чужмарова].

Описание «технологии» временного хранения репы — выкапывали яму глубиной полметра, яма находилась в непосредственной близости с местом выращивания репы, по достижении определенного времени (до заморозков) репу вынимали и пе-

¹ Представления об утопленниках как умерших «святой смертью» зафиксированы в Гомельской области [Седакова 1983: 262; цит. по: Седакова 2004: 46]. О.А. Седакова отмечает тенденцию, возникшую в народной христианской традиции, согласно которой смерть от руки злодея осмыслялась как мученичество [Седакова 2004: 46].

ревозили на постоянное место хранения — обнаруживает определенные «переключки» с приведенными выше описаниями временных захоронений умерших неестественной смертью.

Выскажем некоторые соображения о семантике фразеологизма «хоронить по-репному». Анализ фольклорно-диалектологического материала, этнографических свидетельств, записанных на территории Русского Севера, позволяет заключить, что *репа* как «знак языка культуры» [СД I 1995: 8] обладает широким спектром семантических значений: «знание», «правда», «крепость», «женское», «воровство», «обман», «первое» (начало), «последнее» (конец, смерть) и др. [Бунчук 2000: 234–235]. Отмечая достоинства указанной работы и в определенных случаях опираясь на результаты, обратим внимание только на один аспект — символическую связь репы со смертью, потусторонним миром, средой маргиналов, имплицитно выраженную в обрядах и некоторых фольклорных жанрах. Так, Л.М. Ивлева отмечает, что репа (равно как редька и картофель) использовалась для создания внешности покойника («умруна») в святочных играх [Ивлева 1994: 67]. В числе ритуально-магических способов изведения насекомых известен обряд похорон: тараканов, мух клали в маленькие гробики, сделанные из репы, выносили из дома и везли на кладбище хоронить [Круглый год 1991: 338; Гура 2002]. В Корткеросском районе Республики Коми нами записано, что на поминальные дни в качестве последнего блюда всем присутствующим предлагали льёмья ляз — кушанье вроде киселя из толченой и пропаренной в печи черемухи [ССКЗД 1961: 213] и компот из репы [АА, 2005 г., З.А. Перевертень].

Репа упоминается в связи с имеющими в социальном пространстве пограничный статус людьми — нищими, странниками, к которым в традиции относились как к посредникам между этим и «тем светом» [СД III 2004: 408], воплощению душ умерших [СД III 2004: 409]. В частности, в день Ивана Постного (11.09), совпадающий с началом уборки репы, справляли «репной праздник», на котором обильно угощали бедных странников, нищих [Бернштам 1988: 222; цит. по: Некрылова 2007: 447]. В сказках, записанных в Вилегодском районе Архангельской области, главные герои («старик и старуха» или «бабка и дед») сеют репу на баню [ИЯЛИ: АФ 1703–9, АФ 1705–68] — место опасное, нечистое, связанное с демоническими существами [СД I 1995: 138–140], а при получении репы персонаж умирает неестественной смертью (бабка, вытаскивая репку, падает с баньки и убивается [ИЯЛИ: АФ 1705–68]).

Номинарование описанных выше погребений «репными» может объясняться и в контексте семантики репы как «первого,

еще ненастоящего» [Бунчук 2000: 234], другими словами, «временного». В частности, «репными» в приговорах называют выпавшие молочные (временные) зубы («На тебе, мышка, репной (зуб), дай мне костяной» [Русские заговоры 1993: 20]).

Названию «хоронить на кострах» (ситуация, при которой гроб ставили на вбитые в землю невысокие столбики) мы, к сожалению, пояснения от информантов не получили. В своей работе Д.К. Зеленин приводит единичные случаи сожжения трупов заложных покойников [Зеленин 1995: 106–107, 108], считая, что их нужно рассматривать как «переживание древнеславянского сожигания трупов» [Зеленин 1995: 125]. Возможно, фразеологизм «хоронить на кострах» заключил в себе архаическую метафорику упомянутого Д.К. Зелениным обряда. Обращение к современным записям, касающимся «обустройства» могил, обнаруживает переключки с описанием временного захоронения на столбах. В частности, лоемские информанты упоминают о «моде», когда в вырытой для погребения яме сооружали конструкцию из четырех невысоких столбиков, на которые клали доски, при этом спущенный в могилу гроб не касался земли, а лежал на своеобразном помосте [АА, 2006 г., Л.С. Чужмарова]. В этом контексте временные похороны «на кострах» имитировали постоянное захоронение на общем кладбище¹.

Таким образом, в записанных свидетельствах нашел отражение коллективный обряд, посредством которого осуществлялось «очищение» и «переход» умершего насильственной смертью из разряда «заложных» в разряд почитаемых и уважаемых, т.н. родителей. Предпринимаемые коллективом совместные мероприятия направлены на стабилизацию миропорядка и сохранение всеобщего благополучия², в совокупности они представляют собой компромиссное решение между необходимостью соблюдения особого способа погребения заложного покойника и примирения его с предками. Представления об умерших неестественной смертью как необычных покойных сохранились, но в ритуале их погребения со временем появился ряд «смягчающих» действий, посредством которых происходила нейтрализация как вредоносных действий заложного, так и гнева предков-родителей.

¹ Сведения об обустройстве могил подобным, как в Лойме, образом (со столбами и деревянным настилом) зафиксированы у русского населения Вилегодского [АА, 2006 г., Н.С. Попов и др.] и Котласского районов [АА, 2008 г., С.М. Гошева] Архангельской области (пограничная с Лоймой территория), с. Нювчим Сыктывдинского района Республики Коми [АА, 2008 г., А.М. Соколова и др.]. Называется это «хоронить на полатах».

² О ритуале как способе преодоления критических ситуаций, обеспечения благополучия коллектива см.: [Байбури 1993].

Между тем такое «мягкое» соединение принципиально различных и достаточно жестких ритуальных правил, одни из которых относятся к умершим неестественной смертью, а другие — к покойным, умершим «в срок», может свидетельствовать о нивелировке традиционных представлений об умерших «до срока», позволяет говорить о появлении в традиции представлений о различном статусе умерших неестественной смертью.

Другой вопрос: почему на территории компактного локального образования, коим является Лойма, обряды, связанные с заложными покойниками, сохранились в живом бытовании вплоть до 20-х гг. XX в.? В числе одной из причин можем назвать фактор этнического «соседства», окружения финно-угорским населением, что способствовало консервации архаических элементов традиционной культуры¹.

Список сокращений

- АА — архив автора
ИЯЛИ — фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар), АФ — аудиофонд, ВФ — видеофонд
СД — Славянские древности
ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов

Библиография

- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Бунчук Т.Н.* Концепты растений в языке традиционной культуры Севера // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000. С. 233–235.
- Власов А.Н., Филиппова В.В.* Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура: науч. альманах. М., 2000. № 2. С. 87–89.
- Власов А.Н., Канева Т.С.* К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения. Сыктывкар, 2006. С. 16–39.

¹ О примерах стабилизации фольклорной традиции, сохранения архаических элементов традиционной культуры в контактных зонах см., напр.: [Власов, Канева 2006: 24 и след.; Коропова 2006; Лапин 2005], в указанных работах речь идет о сохранении фактов, явлений славянской культуры в финно-угорской среде (коми, вепсов).

- Гура А.В.* Насекомые // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 2002 <<http://rousseau.livejournal.com/197434.html>>.
- Жеребцов И.Л.* Где ты живешь? Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справ. Сыктывкар, 1994.
- Жеребцов И.Л.* Деревни и починки Лоемского погоста в начале XVII века // Изв. Общества изучения Коми края. 2004. № 3. С. 88–94.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
- Ивлева Л.М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.
- Корепова К.Е.* Финно-угорская среда как стабилизирующий фактор в сохранении русской фольклорной традиции в Нижегородском Поволжье // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога. Ижевск, 2006. С. 22–26.
- Круглый год. Русский земледельческий календарь / сост., вступ. ст. и прим. А.Ф. Некрыловой. М., 1991.
- Лалин В.А.* Русский *дружка — naitaa* на вепсской свадьбе (к проблеме фольклорного двуязычия) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 266–271.
- Некрылова А.Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб., 2007.
- Русские заговоры / сост., предисл. и прим. Н.И. Савушкиной. М., 1993.
- Седакова О.А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования / отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1983. С. 246–262.
- Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого: в 5 т. М. 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3.
- Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.

Список информантов¹

- Безносикова Анна Васильевна, 1922 г.р., д. Гарь Лоемского с/с, ур.д. Ула того же с/с [ИЯЛИ: АФ 1552–17, зап. 29.05.2004 Ю.А. Крашенинниковой]
- Василёва Анна Николаевна, 1923 г.р., д. Галактионовская Лоемского с/с, ур. д. Ивановская того же с/с [ИЯЛИ: 1550–45, зап. 28.05.2004 Ю.А. Крашенинниковой]

¹ Паспорт включает сведения об информанте (Ф.И.О, год рождения, место жительства и место рождения) и записи (место хранения, собиратель, дата и шифр записи).

- Воронцова Манефа Федоровна, 1912 г.р., д. Горка Павловского с/с Вилегодского района Архангельской области [ИЯЛИ: 1703–9, зап. 1.07.1996 Ю.А. Крашенинниковой]
- Гошева Серафима Михайловна, 1915 г.р., г. Сыктывкар, ур. д. Григорово Песчанского с/с Котласского района Архангельской области [АА, зап. 2008 г.]
- Екимова Анна Григорьевна, 1923 г.р., д. Матвеевская Лоемского с/с, ур. д. Тарбиевская того же с/с [ИЯЛИ: АФ 1543–14, зап. 26.05.2004 Ю.А. Крашенинниковой]
- Куликова Агния Александровна, 1913 г.р., д. Уркинская Лоемского с/с, ур. д. Козловская того же с/с [ИЯЛИ: АФ 1548–39, зап. 27.05.2004 Ю.А. Крашенинниковой]
- Меньшакова Клавдия Семеновна, 1911 г.р., д. Самино Вилегодского с/с Вилегодского района Архангельской области [ИЯЛИ: 1705–68, зап. 6.07.1996 Ю.А. Крашенинниковой]
- Низовцева Анна Евлампиевна, 1918 г.р., д. Ивановская Лоемского с/с, ур. д. Лехта того же с/с [ИЯЛИ: АФ 1549–19, зап. 28.05.2004 Ю.А. Крашенинниковой]
- Перевертень Зоя Анатольевна, 1950 г.р., с. Пезмог Корткеросского района Республики Коми, ур. того же села [АА, зап. 12.07.2005]
- Помысова Зинаида Павловна, 1909 г.р., д. Козловская Лоемского с/с, ур. той же деревни [ИЯЛИ: АФ 1546–93, 94, 95, 112, 1547–1, ВФ 1530–3, зап. 27.05.2004 Ю.А. Крашенинниковой]
- Попов Николай Степанович, 1959 г.р., пос. Фоминск Селянского с/с Вилегодского района Архангельской области, ур. д. Фоминская того же с/с [АА, зап. 14.08.2006]
- Рожицына Мария Петровна, 1921 г.р., д. Галактионовская Лоемского с/с, ур. той же деревни [ИЯЛИ: ВФ 1523–23, зап. 28.05.2004 Ю.А. Крашенинниковой, А.Н. Рассыхаевым, Л.С. Лобановой]
- Соколова Августа Михайловна, 1927 г.р., с. Нювчим Сыктывдинского района Республики Коми, ур. того же села [АА, зап. 16.09.2008]
- Чужмарова Людмила Степановна, 1928 г.р., с. Лойма, ур. д. Анкерская Лоемского с/с [АА, зап. 7.08.2006]